

Я С ТОБОЙ, ПОКА ДЫШУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НИКА ГОРИНА

18+

Ника Горина

Я с тобой, пока дышу

«Автор»

2026

Горина Н.

Я с тобой, пока дышу / Н. Горина — «Автор», 2026

Руслан слишком рано понял, что такое одиночество. Детский дом, армия, предательство, мир, где человеческая жизнь давно стала разменной монетой. Он привык никому не доверять и не ждать от судьбы подарков. Его единственная цель — защитить тех, кого он любит, даже если ради этого придётся самому стать чудовищем. Ульяна всегда мечтала о простой жизни, в которой есть дом, книги, работа в геологии. Но судьба сталкивает её с мужчиной, чьё имя внушает страх, а прошлое пропитано кровью. И всё же рядом с ним она впервые чувствует себя по-настоящему защищённой. Любовь, родившаяся там, где для неё не было места, становится для них обоих спасением. Но можно ли построить счастье, если за каждым шагом следят враги, каждое решение может стоить жизни, а прошлое никогда не отпускает?

© Горина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ника Горина

Я с тобой, пока дышу

Глава 1

1999 год.

Поезд остановился с глухим вздохом. Двери скользнули в сторону — и поток людей вынес Руслана на перрон. Воздух был густым от запаха сирени и дешёвых духов.

Он стоял на месте, пока мимо, словно волна, не промчались обнимающиеся, кричащие, плачущие.

— Сынок! — кто-то закричал.

— Мой герой!

И вернувшиеся из армии парни падали в раскрытые объятия. Разворачивались самодельные плакаты, букеты шуршали. Кто-то принёс собаку — она взвизгнула от радости.

А он просто стоял. Один. Никто не называл его по имени. Никто не ждал.

Кто-то толкнул в плечо, не извинившись. Руслан не отреагировал. Он пошёл вперёд, пробираясь сквозь шум и тепло чужих встреч. Он хотел только одного — выбраться.

Парень стиснул зубы, прошёл через здание вокзала и, толкнув тяжёлую стеклянную дверь, вышел на улицу.

Прямо перед ним высилась узкая, угловатая бетонная башня с часами. Вся площадь перед вокзалом была вымощена серой брусчаткой. Тротуар тянулся вперёд, разделяя площадь надвое. Слева, у длинного серого павильона остановки, толпились люди, ожидая своего автобуса.

Он не спускал с них глаз. Сделал было шаг к остановке, но замер — ехать ему некуда, в детский дом его не пустят даже переночевать. Да и денег на автобус нет.

Ком подкатился к горлу, стало трудно дышать. Он часто заморгал. И все же пошёл, сам не зная, куда. Но как только он пересек площадь и вышел на проезжую часть, рядом с ним остановился чёрный «мерседес». Парень прошёл мимо, даже не обратив на него внимание.

— Руслан! — окрикнул властный мужской голос.

Он обернулся и увидел высокого широкоплечего мужчину в чёрном костюме.

— Позволь тебя подвезти, — сказал незнакомец, распахивая дверцу.

— Вы кто? — парень внимательно разглядывал чужака — на вид ему было около сорока лет, тёмные, почти чёрные волосы коротко подстрижены, щёки и подбородок чисто выбриты, серые холодные глаза смотрели на парня в упор.

— Ты меня не знаешь. Но у меня к тебе разговор. Я не займу много времени.

— Откуда вы знаете моё имя?

— От твоего командира. Поговорим по дороге.

— Что вы хотите? — парень продолжал стоять.

— Поговорить. Не более.

Руслан кивнул. Незнакомца он не боялся — за себя постоять сможет. Он оглянулся по сторонам, задержав взгляд на машине, и сел в салон.

— Моё имя — Виктор Якунин, — проговорил собеседник, опускаясь на водительское сиденье, и завёл мотор.

— Куда мы едем? — спросил он, когда Виктор выехал на проспект.

— Я много слышал о тебе — сирота, мать отказалась, когда исполнилось восемь, вырос в детском доме. Ни друзей, ни врагов.

— Кто вы? — снова спросил Руслан, опустив глаза. От его слов в груди снова занял старый, так и не затянувшийся шов.

— Потом армия. Спецназ. И вот ты вернулся, — как ни в чём не бывало продолжал Виктор. Говорил он уверенно. — И что дальше?

— Куда мы едем? — повторил парень.

— Нашёл для тебя квартиру тут недалеко. Надо же где-то жить.

— Я не просил.

— Считай это моим вкладом в твоё будущее. Не люблю ходить вокруг да около. Твой командир очень нахваливал успехи, особенно в стрельбе. Открой бардачок.

Руслан нажал на кнопку на панели.

— Возьми конверт. Там деньги. Хватит на первое время.

Он неуверенно вытащил белый незапечатанный конверт и заглянул внутрь. Пачки крупных купюр. В горле мгновенно пересохло, а сердце забилось неровно.

— Я не возьму, — Руслан закрыл его и положил обратно.

— Не будь идиотом. Жить не на что. Так что бери. Гордость свою засунь подальше. Я ведь знаю, что у тебя за душой. Ноль.

— Что вам нужно?

— Хочу предложить тебе работу — гибкий график, высокая зарплата, возможны командировки.

Внутри Руслана зашевелилось нехорошее предчувствие. Ладони, лежавшие на коленях, чуть дрогнули.

— Для тебя ничего сложного, будешь делать то, чему тебя учили два года в армии. Мне нужен солдат. Такой, как ты — молчаливый, одинокий, серьёзный.

— Вы ведь говорите об охране? — спросил он, но внутри всё сжалось.

— Тебя учили не охранять, — ответил Виктор, бросая на него быстрый взгляд. На губах его промелькнула едва заметная улыбка.

— Ликвидация? — прошептал Руслан.

— Я предлагаю тебе работу. Всего лишь предлагаю. Решай сам. А деньги возьми — пригодятся.

«Мерседес» припарковался около пятиэтажки недалеко от центра.

— Идём, покажу квартиру, — Виктор вышел из машины.

— Я не стану никого убивать, — твёрдо произнёс Руслан. — Спасибо, что подвезли, но дальше я сам.

— Вот упрямец, — усмехнулся Виктор, качая головой. — Хватит выделяться. Иди за мной. Квартира в твоём распоряжении. Хоть выпишься с дороги. А потом решишь.

Парень тяжело вздохнул.

— Руслан, не заставляй меня силой тащить тебя.

Парень перебросил сумку на другое плечо и пошёл к подъезду.

Собеседник покровительственно улыбнулся. Он залез в салон, забрал конверт и запер машину.

Квартира располагалась на втором этаже. Виктор открыл дверь и передал ключи парню.

— Я не могу тут остаться, — повторил Руслан.

— Слушай, парень, хватит уже, — беззлобно, но с нажимом проговорил мужчина, снимая туфли. — Заходи.

Руслан разулся и прошёл в комнату.

Она была уютной, хоть и тесной. В углу стоял диван, застеленный небесно-голубым покрывалом. Рядом стол-книжка под вязаной скатертью, сверху настольная лампа. У противоположной стены на тумбочке, тоже на салфетке ручной работы, стоял старенький телевизор. Рядом небольшой шкаф. На полу коричневый ковёр.

— Чья это квартира? — спросил Руслан, разглядывая люстру.

— Моей хорошей знакомой. Она её сдаёт. Сделает тебе скидку.

— Я не буду никого убивать, — снова повторил Руслан.

— Подумай до утра. Хорошо подумай, — Виктор бросил на стол конверт. — И деньги возьми. Надумаешь согласиться — буду рад. Нет — квартира и деньги твои. На первое время хватит. А потом крутись сам. Я тебя не побеспокою. Располагайся.

— Почему вы это делаете? — Руслан посмотрел собеседнику прямо в лицо.

Тот выдержал тяжёлый взгляд тёмно-карих глаз. Напряжение росло, но неожиданно из глаз Виктора исчезла вся холодность. Наоборот, в них появилось мягкое, искреннее тепло.

— Ты хороший парень, Руслан. Не повезло в жизни. Бывает. Я всего лишь хочу помочь. Примешь ты моё предложение или нет — не важно. Деньги и квартира — твои. Вот мой номер, — Виктор протянул ему сложенный пополам листок бумаги, где карандашом было написано шесть цифр. — Звони.

Дверь в коридоре захлопнулась через пару минут. Руслан остался один.

Он перевёл дыхание. Что за странный человек? Неужели и правда думает, что получит согласие?

Но внутри ворочалась благодарность. Деньги, жильё — именно то, в чём он отчаянно нуждался. Не пришлось ночевать на улице. Но работу надо искать. И вернуть Виктору всё до единой копейки.

Он бросил сумку на пол. словно опомнившись, тут же поднял и аккуратно приставил к дивану и огляделся. Обстановка не новая, но владелица берегла каждую вещь. Шкаф оказался почти пустым. На двух полках лежали цветная подушка, одеяло, стопка выглаженного белья и несколько синих полотенец.

Парень вышел в коридор — крошечный, не развернуться. Справа — прибитая к стене вешалка, рядом висела полка с телефоном — жёлтым пластиковым аппаратом с чёрным диском и белыми цифрами.

Тут же дверь в совмещённый санузел. Внутри чугунная ванна, рядом унитаз. Напротив двери стояла круглая стиральная машинка с ручным отжимом, на крышке которой лежали деревянные бельевые щипцы. Над раковиной располагалось круглое зеркало в пластиковой раме и две полочки.

Руслан вгляделся в свое отражение. Короткая армейская стрижка ещё не отросла. Черты лица угловатые, щёки слегка впали — два года в казармах даром не проходят. Тёмно-карие глаза под длинными ресницами казались слишком взрослыми. В них застыла глухая усталость.

Кухня была небольшой. Квадратный стол у окна покрывала клеёнка в розово-сиреневый цветочек. Три деревянных стула были задвинуты за стол. Кухонный гарнитур старый, но ухоженный. В шкафчиках ровными рядами выстроились чашки — ручка к ручке. Тарелки сложены строго по размеру, от суповых до чайных блюдец. Нашлась и утварь: две кастрюльки, сковорода, вилки, ложки. В углу тихо урчал старенький холодильник «Бирюса».

Руслан вернулся в комнату. Взгляд снова упал на оставленный на столе конверт. Он подошёл, осторожно открыл, вытащил купюры. Столько денег он никогда не видел. Парень аккуратно пересчитал — тридцать тысяч. Нереальная сумма.

Тратить придётся экономно, пока не найдёт нормальное место. И нужно как-то узнать у Виктора, сколько отдавать за аренду.

Руслан отсчитал несколько купюр на расходы, остальное убрал обратно. Следовало дойти до магазина, взять мыло, шампунь и хоть какой-то еды.

Гастроном нашёлся в соседней пятиэтажке. Из продуктов он взял лишь булку хлеба и десяток яиц.

После скромного ужина Руслан принял душ, разложил диван, застелил постель и лёг, но сон не шёл. Мысли упрямо крутились вокруг Виктора и его дикого предложения. С чего

тот взял, что Руслан на это способен? Да, спецназ. Да, стрелять учили много. В подготовку входили зачистка зданий, рукопашный бой, скрытное перемещение. Но он никогда не нажимал на курок, глядя в живое лицо — реальных боевых действиях участвовать не довелось.

Лишать человека жизни? Никогда. Какого чёрта командир порекомендовал его как будущего убийцу?

От злости свело челюсти. Что они все возомнили? Если сирота, без угла и гроша в кармане, значит, можно вертеть им как угодно?

Пошёл этот Виктор к чёрту. Руслан не станет палачом. Руки в крови не запачкает. Жильё и деньги он вернёт. Обязательно.

Он повернулся к стене, натянул одеяло на плечо. Память вернула его на много лет назад: точно так же он лежал когда-то. Маленьким мальчиком натягивал одеяло до самого подбородка. Ему десять лет. Из них два года — в детском доме. Совершенно один. Вокруг темнота, страх и глухая боль.

Руслан тряхнул головой и перевернулся на спину. Хватит. Он давно вырос. Ему больше не страшно. Но прямо сейчас в детдоме лежит другой десятилетний мальчишка. Которому тоже страшно и больно. И которого Руслан обещал защитить. Алёша.

Он помнил тот яркий летний день, когда пятилетний Алёша впервые появился в детском доме. Мальчишка кричал, плакал, вырывался и хватался за всех подряд. Его тащили силой. Он отчаянно звал маму и папу.

Малыша, словно бродячего котёнка, затолкнули внутрь. Двери захлопнулись с тяжёлым глухим стуком, отрезая прошлую жизнь.

Руслан сидел на заборе, лениво наблюдая за этой сценой. На губах блуждала циничная усмешка. Пятнадцатилетний подросток слишком хорошо знал здешние порядки. Мальчишка остался один, и ему придётся быстро ломать себя, чтобы выжить.

Но Алёша привыкал долго — постоянно ревел, забивался в углы, ни с кем не разговаривал. Позже Руслан узнал о его семье — обычная бытовая трагедия: пьяный отец не потушил сигарету, вспыхнул пожар, родители сгорели. Ребёнок в это время находился в детском саду. Близких не осталось, и Алёша оказался в приюте.

Здесь ему было страшно. Старшие дети обижали малыша, отбирали еду. А он просто закрывал маленькими ладошками лицо и плакал. Старших это заводило, и они с каждым днём становились всё более жестокими к маленькому Алёше. Доходило до того, что его начали периодически поколачивать. Воспитатели ругали детей, но что толку?

Однажды его подкараулили в туалете, хотели снова избить. Руслан был там и вступился за мальчишку. Он и сам не знал, зачем. Может, вспомнил себя. Когда он попал в детский дом в восемь, старшие обижали и его. Он также плакал. Но со временем научился давать сдачи. И с каждым разом всё агрессивнее и жёстче, пока от него не отстали.

Он разогнал детей, а Алёша схватил его за руку и посмотрел на него полными слёз ясными голубыми глазами.

С тех пор мальчик не отходил от Руслана. Чувствуя его силу, он тянулся к нему. А Руслану это совсем не нравилось. Он не нанимался в няньки ребёнку. Он пытался его прогнать, кричал на него, а малыш лишь хлопал длинными ресницами и хватал его за руку. Алёша всегда был рядом — куда бы ни пошёл Руслан, он следовал за ним. И он привык к мальчику. Пока рядом был Руслан, его не обижали. Но стоило малышу остаться одному, как старшие мальчишки тут же били его. И Алёша даже стал приходить в комнату Руслана по ночам.

Дети смеялись над Русланом, называли его «нянькой», «мамкой». Но его это не беспокоило. И со временем он и сам привязался к мальчику. Они вместе играли на площадке — и хоть Руслану было уже пятнадцать, он, как ребёнок, играл с Алёшей в солдатиков и машинки. Рядом с ним ребенок словно расцветал. Он больше не боялся.

А потом Руслану исполнилось восемнадцать. И он ушёл в армию. Он помнил, как плакал Алёша, как тянул к нему руки, как не хотел отпускать. И Руслан пообещал, что заберёт его, как вернётся.

И вот он вернулся. Ни с чем.

Да, Виктор дал ему жильё и деньги, но потребовал слишком высокую цену. Но Руслан справится сам. Он найдёт обычную честную работу, решит вопрос с жильём и заберёт Алёшу.

Утром Руслан проснулся от запаха жареных яиц. Он быстро поднялся с кровати и прошёл на кухню.

— Доброе утро, — улыбнулся Виктор. — А я тут решил завтрак тебе приготовить.

— Что вы здесь делаете? — брови Руслана сошлись у переносицы.

— Я же сказал, завтрак тебе готовлю. Почему не купил еды? В холодильнике только яйца да хлеб. Знал бы, привёз чего-нибудь.

Парень молчал, стоя на пороге.

— Ну что встал? Садись. Чайник закипел.

Виктор по-хозяйски достал из шкафа две чашки, налил чай, в тарелки выложил яичницу.

— Хоть бы конфет к чаю купил, — покачал он головой. — Или пряников.

— Я хотел поговорить по поводу вашего вчерашнего предложения, — начал Руслан.

Вторжения с утра он не ожидал. Вся ночная решимость твёрдо сказать «нет» куда-то растаяла. Соглашаться парень не собирался, но голос дрогнул, когда он заговорил.

— Поешь сначала, — Виктор сел напротив и указал вилкой на тарелку. — О делах потом. Как тебе новое жильё? Нравится?

— Да, здесь уютно, — ответил он смущенно и опустил ресницы. Ему было неловко от того, что ему приготовил завтрак абсолютно посторонний человек.

— Рад, что понравилось. Квартира хорошая.

— Я не буду работать на вас, — произнёс Руслан, когда с завтраком было покончено. — Я не стану убийцей.

На этот раз голос прозвучал уверенно и твёрдо.

Виктор посмотрел ему прямо в глаза.

— Я освобожу квартиру. А деньги, что потратил, верну.

— Я же сказал, забудь ты про них. Думаешь, меня они волнуют? Не хочешь стать наёмником — твоё право. Я тебя не заставляю. Но деньги оставь, я не обеднею на тридцать тысяч. А тебе они нужны. Тем более это всё, что у тебя есть. И в квартире живи. Я дам тебе номер Антонины Павловны, хозяйки, за аренду будешь платить ей. Этот месяц я оплатил, а дальше сам, — Виктор встал, сложил посуду в раковину.

— Я всё верну.

— Вот что за упрямец! — гость хлопнул ладонью по столу. — Хватит уже, заладил как попугай: верну, верну. Ты о себе думай. Жизнь свою устраивай. Считай это гуманитарной безвозмездной помощью. Кстати, с работой могу помочь.

— Я же сказал...

— Я слышал, не глухой. Не хочешь убивать — не надо, я понял. Подыщу тебе легальную непыльную работёнку, — и, увидев, что Руслан открыл рот, Виктор добавил: — Ни слова.

— Зачем вы мне помогаете?

— Я же говорил, твой командир хорошо о тебе отзывался. А он — мой друг. Рекомендациям друзей я доверяю. И помогу. Завтра к вечеру приезжай ко мне, вот адрес.

Виктор ушёл, оставив Руслана в смешанных чувствах.

После его ухода Руслан вытащил из конверта ещё несколько крупных купюр, спрятал остальное и подошёл к зеркалу. Нужно было привести себя в порядок. Своей гражданской одежды у него не осталось — всё, что он носил до армии, давно раздали младшим пацанам

в детдоме. Руслан стянул плотный парадный китель, оставшись в простой уставной футболке, которая плотно облегла его раздавленные за два года службы плечи, поправил армейский ремень на форменных брюках и обулся в берцы.

Он вышел на улицу, и город встретил его ослепительным майским теплом. Лёгкий, ещё прохладный майский ветер доносил с газонов тонкий аромат цветущих деревьев и молодой травы.

До остановки было буквально пару минут ходьбы, она виднелась почти рядом с домом. Руслан подошёл к железному навесу и остановился у края тротуара. Несколько минут он ждал автобус, подставив лицо тёплому весеннему солнцу и разглядывая редких прохожих. Люди куда-то спешили, улыбались, о чём-то спорили — обычная, мирная гражданская жизнь, от которой он успел отвыкнуть.

Вскоре подошёл нужный автобус. Руслан доехал до центра, разыскал крупный гастроном и купил сладости. С полным пакетом в руках он снова сел в автобус и поехал туда, где провёл всё своё детство — в детский дом.

Едва он прошёл через металлические ворота, как услышал громкий крик.

— Руслан! Руслан! — и светловолосый мальчик бросился к нему.

— Алёша! — парень присел и раскрыл объятия.

— Ты вернулся! — ребёнок крепко обнял его за шею. — Я знал, что ты придёшь!

— Я же обещал, — улыбнулся Руслан. — Как же ты вырос.

Он потрепал мальчика по голове.

— Дай посмотрю на тебя.

Алёша отпустил его и опустил голову.

— Эй, малыш, — Руслан приподнял его подбородок. — Опять били старшие? — спросил он, увидев синяк под глазом.

Мальчик отдернул голову.

— Я же тебя учил: будут бить — бей в ответ.

— Их было много, — потупился Алёша.

— Сколько бы ни было. Бей сильнее. Иначе так и будешь ходить вечно побитым.

Алёша молчал, не поднимая глаз.

— Обижали, пока меня не было?

Он кивнул.

— Ты хоть пытался дать сдачи?

Алёша снова кивнул.

— Молодец, — Руслан снова взъерошил его волосы.

Сердце сжалось. Хоть Алёше было уже десять, внутри он остался тем же пятилетним испуганным ребёнком.

— Ты пришёл за мной? Заберёшь меня? — с надеждой спросил мальчик, поднимая глаза.

— Пойду к директору.

— Забери меня, — Алёша снова крепко обнял его. — Я не хочу быть здесь. Хочу быть с тобой.

— Ну-ну, малыш, ты чего?

— Знаешь, как я скучал?

— Знаю, — Руслан тоже прижал его к себе. — Конечно, знаю. Ты написал мне столько писем, что я чуть не надорвался, пока вёз их.

Алёша улыбнулся.

— Ты правда меня заберёшь?

— Я сделаю всё для этого. Обещаю.

Они вместе дошли до здания. Алёша, как и прежде, крепко держал Руслана за руку своими тонкими пальчиками.

Руслан толкнул деревянную дверь. Она со скрипом открылась. На пороге лежал грубый, почти стёртый коврик из старой резины, а под ним — линолеум с блёклым рисунком, местами подлатанный кусками фанеры. Стены были выкрашены наполовину: снизу тёмно-зелёная краска, сверху — неровная, местами облупившаяся побелка.

Парень невольно улынулся — всё оставалось точно таким же, как и два года назад, когда он покидал это место перед армией.

И всё так же справа от входа за столом сидела баба Таня — семидесятилетняя вахтёрша со старой шалью на плечах. Седые волосы были собраны в аккуратный пучок. Перед ней лежала раскрытая толстая тетрадь, рядом темнели телефон и настольная лампа.

— Здравствуйте, баба Таня, — произнёс Руслан.

— Руслан! Ты ли это! — воскликнула женщина и всплеснула руками. — Как же ты повзрослел! Как возмужал! — причитала она, легонько глядя его по щекам и плечам.

Он лишь улыбался, опустив глаза.

— Алёшка-то все уши прожужжал, дни считал до твоего возвращения. Ты когда приехал?

— Вчера.

— А остановился где?

— Нашёл жильё, — ответил Руслан и, предупреждая новые расспросы, быстро спросил: — Вера Юрьевна у себя?

— Насчёт Алёшки хочешь поговорить?

Мальчик поднял глаза на своего защитника и крепче сжал его ладонь.

— У себя, у себя. Иди, мой хороший, — сказала баба Таня и перекрестила их, когда они двинулись по длинному коридору.

— Алёша, будь здесь. Я поговорю и выйду. Пока попробуй конфеты, — у дверей директрисы Руслан протянул ему пакет со сладостями. — Угости друзей.

— У меня нет друзей, — мальчик опустил голову.

— Тогда съешь всё сам. Я скоро.

Руслан постучал и вошёл. Под ногой жалобно скрипнула половица. Первое, что он увидел, были горшки с геранью, стоявшие на узком подоконнике, — белые, красные, фиолетовые цветы, утопавшие в пышных зелёных листьях. В кабинете пахло влажной землёй и пылью. Прямо перед ним стоял старый деревянный стол, заваленный бумагами. Перед ним расположились два деревянных стула. Позади стола у стены стоял тяжёлый шкаф: одна стеклянная створка треснула наискось, другой и вовсе не было. За мутным стеклом теснились папки с распухшими корешками, пожелтевшие журналы учёта, коробки с надписями от руки.

— Руслан! — Вера Юрьевна вскочила из-за стола и крепко обняла его. — Какой же ты красавец! Дай посмотрю на тебя. Я так рада! — причитала женщина. — Ну как ты? Как отслужил?

— Всё хорошо, — ответил парень, разглядывая женщину.

За два года, проведённых им в армии, она изменилась — или это он, вернувшийся из другого мира, теперь видел её иначе? Её лицо, всегда казавшееся ему незыблемым, как гранит, теперь напоминало старую, исписанную морщинами карту жизни. Густые волосы, ставшие ослепительно белыми, будто припорошённые первым снегом, беспорядочно обрамляли лоб, на котором залегли глубокие, тяжёлые борозды. Она поднесла руку к лицу, её кожа, подёрнутая сетью тонких линий, выдавала возраст, который она раньше умело скрывала за строгостью делового костюма. Но глаза... Глаза Веры Юрьевны остались прежними: глубокие, подёрнутые серой дымкой печали.

— Ты же знаешь, тебе положено жильё от государства, — директриса засуетилась, вытащила из ящика стола несколько папок и начала перебирать их. — Я всё сделала ещё до твоего ухода. Подала заявление, чтобы ты смог получить угол. Где же оно?.. — она открывала одну папку за другой. — Вот, нашла.

Вера Юрьевна протянула ему документ.

— Вот с этим иди в отдел жилищной политики. Тебя должны были поставить в очередь. Обязательно сходи, — она сжала его руки. — Ты где устроился? Есть где жить сейчас?

— У друга, — ответил Руслан и прикусил язык. Можно ли назвать другом Виктора?

— Хорошую квартиру, может, сразу и не дадут, но малосемейку...

Парень кивнул.

— Ох, что же это я... даже чаю не предложила.

— Не надо, — тихо произнёс Руслан.

Собственный угол — это хорошо, и он обязательно всё узнает, но в коридоре его ждал маленький испуганный мальчик.

— Вера Юрьевна, — Руслан посмотрел ей прямо в глаза.

— Насчёт Алёши хочешь спросить?

— Я хочу забрать его.

— Ой, Руслан, Руслан, — покачала она головой. — Знаю, как ты любишь мальчишку, и он в тебе души не чает. Но не так это просто.

— Что мне нужно сделать?

— Ты садись, — Вера Юрьевна отодвинула для него стул. И когда парень сел, положила уставшие ладони ему на плечи. — Усыновить тебе его никто не даст. Ты сам ещё слишком молод. Но вот опеку оформить можешь. Знала, что придёшь, поэтому заранее подготовила список документов.

Она подошла к столу и протянула ему исписанный листок.

Руслан пробежался по строчкам. Взгляд мгновенно зацепился за три пункта: справка о прописке, справка о доходах с места работы, характеристика с места жительства. Ничего этого у него не было.

Вера Юрьевна поняла его заминку и мягко погладила по плечу:

— Сходи в жилищный отдел. Остальное сделаешь без проблем: медицинские справки получишь в поликлинике, а бумагу об отсутствии судимости — в МВД.

— Но нужна официальная прописка, так?

— Да, мой хороший. Поэтому разберись с этим скорее.

— И сколько на всё уйдёт времени? — Руслан поднял на директрису глаза.

— Несколько месяцев. Может, больше.

Парень крепко сжал кулаки.

— Я знаю, как тебе дорог Алёша. Но ты пойми, просто так отдать его я не могу — таков закон. Но ты приходи, навещай его хоть каждый день.

Руслан молча кивнул, собрал все бумаги и вышел в коридор.

— А ну отдай! — мальчишка лет четырнадцати дёрнул ручки пакета, пытаясь вырвать его у Алёши. Ещё четверо обступили их со всех сторон, жадно разглядывая добычу.

Алёша отчаянно прижимал к себе драгоценную ношу.

— А ну вон отсюда! — рявкнул Руслан, шагнув из кабинета, и пацаны мгновенно бросились врассыпную.

— Руслан, ты меня забираешь? — Алёша с надеждой посмотрел на него.

— Алёшенька, милый... — Вера Юрьевна мягко взяла мальчика за руку.

Но тот не спускал глаз с Руслана.

— Я заберу тебя, обещаю, — парень присел перед ним на корточки. — Но не прямо сейчас.

— Почему? — голубые глаза ребёнка наполнились слезами.

— Есть правила, мой хороший, — Вера Юрьевна погладила его по голове. — Их нельзя нарушать. Руслан всё подготовит и заберёт тебя.

— Нарушь правила! — Алёша резко вырвал ладонь из руки директрисы и мёртвой хваткой вцепился в Руслана. — Я не хочу тут быть. Не хочу!

— Знаю, малыш, знаю, — Руслан крепко прижал его к себе. — Обещаю, я сделаю всё так быстро, как только смогу. А пока буду приходить к тебе каждый день.

— Честно?

— Честно. Я всё улажу. Обещаю.

Сердце разрывалось от боли. Руслан слишком хорошо помнил это гнетущее чувство бессилия. Он поднялся и быстрым шагом пошёл к выходу.

Детский дом он покинул в самом скверном расположении духа и сразу отправился по указанному Верой Юрьевной адресу. В глубине души ещё теплилась надежда: если дадут хотя бы угол, он сразу оформит прописку.

Отдел жилищной политики встретил Руслана длинным коридором и запахом старой бумаги. У дверей сидели люди с папками на коленях; кто-то держал справку в прозрачном файле, кто-то — потрёпанную домовую книгу. За дверью теснились столы, металлические шкафы и стопки папок на завязках. На стене висел портрет президента и выцветший календарь, а под ним — лист с перечнем документов, приколотый кнопками. В душном кабинете злая тётка в точках с толстыми стеклами быстро разбила его иллюзии — да, в очередь его поставили, да, она движется. Но слишком медленно. Жильё ему не светит в ближайшие полгода, а то и больше. Разговаривать с бывшим детдомовцем никто не стал — сухо велели приходить время от времени и проверять списки.

Руслан стиснул зубы так, что заныли скулы. Никто не хотел его слушать. Ответ один — ждите.

Но ждать он не мог. Без прописки нельзя было даже прикрепиться к поликлинике, не говоря уже о нормальной работе.

Оставался единственный вариант — Виктор. Тот обещал оставить квартиру. Может, получится как-то договориться насчёт прописки?

Руслан бродил по городу до самого вечера. Заходил в маленькие магазины, на склады, в мелкие конторы, что попадались по дороге. И везде натёкался на один и тот же глухой забор: «Без прописки не берём».

Отчаяние накрывало с головой. Домой он вернулся поздно — голодный, замёрзший и злой. Кое-как перекусив остатками хлеба и яиц, Руслан рухнул на кровать и провалился в тяжёлый сон.

Рано утром Руслан поехал на завод. Он начинался ещё издали — не с ворот, а с труб. Они поднимались над серыми корпусами, над промзоной, над голой окраиной, и из них тянулся в майское небо белёсый дым. Воздух был уже тёплым, сухим, пах пылью, металлом и прошлогодней травой у обочин. За забором тянулись длинные цеха, трубы, эстакады, рельсы; солнце лежало на жестяных крышах тусклыми пятнами.

Проходная стояла отдельно — низкое серое здание с облупленной краской на рамах и тяжёлой дверью, которую то и дело хлопали рабочие. У входа курили мужчины в лёгких куртках и спецовках, женщины проходили с сумками, кто-то показывал пропуск в маленькое окошко. Над турникетом висела доска объявлений: графики, приказы, листки с вакансиями, фамилии и номера кабинетов.

Руслан вошёл неуверенно. На проходной он спросил, куда обращаться насчёт работы, и его отправили в отдел кадров — в административный корпус, через двор, мимо глухой стены цеха и ряда служебных машин. Асфальт под ногами был сухой, в трещинах пробивалась редкая трава; ветер нёс по двору мелкую пыль, а за спиной ровно гудел завод, будто огромное сердце.

В административном здании пахло нагретым линолеумом и табачным дымом. Коридор был длинный, с крашеными панелями понизу и тусклыми лампами под потолком. На две-

рых висели таблички: бухгалтерия, плановый отдел, профком, отдел кадров. Где-то печатала машинка, звонил телефон, за стеной негромко спорили.

В отделе кадров его встретила женщина средних лет — строгая, усталая, с короткой стрижкой и очками на цепочке. Она сидела за столом, заваленным личными делами, анкетами и тонкими папками на завязках. Рядом стоял металлический шкаф, сверху лежали стопки трудовых книжек и старый календарь.

— Работы нет, — ответила женщина.

Весь мир будто захлопнул перед ним двери. Целый день он бесцельно ходил по городу, обивал пороги контор, но всё безрезультатно.

А к вечеру направился к Виктору. Как бы парень ни хотел связываться с криминалом, другого выбора у него просто не осталось. Виктор хотя бы обещал обычную работу, без крови.

Нужный дом находился на улице Достоевского. Руслан нашёл место сразу: добротное красивое здание за высоким кирпичным забором. С виду — самое обычное строение среди сотен таких же в частном секторе. И не скажешь, что за этими окнами живёт бандит.

Руслан нажал на кнопку звонка у калитки. Через пару минут Виктор лично распахнул перед ним тяжёлую створку.

— Выглядишь ужасно, — вместо приветствия бросил он, кивком приглашая гостя во двор.

Они прошли по узкой мощёной дорожке мимо молодых сосен. На просторной кухне, отделанной в светло-серых тонах, Виктор усадил Руслана за стол и сразу поставил перед ним исходящую паром тарелку с пловом.

— Нет, спасибо, я не голоден, — смущённо проговорил Руслан. И соврал — у него сводило желудок, ведь он не ел с самого утра.

— Ешь давай, — Виктор положил перед ним ложку и пододвинул кружку с крепким чаем. — Еды хоть купил нормальной? Или опять на сухом пайке из хлеба и яиц?

Руслан промолчал, уткнувшись взглядом в стол.

— Ешь, не выделяйся, — хозяин дома наложил порцию и себе.

— Я поговорить хотел... насчёт работы. Вы говорили...

— Помню, что говорил. Будет тебе обычная работа. Охранником в ломбард пойдёшь? Сутки через двое. Зарплата хорошая.

Руслан согласно кивнул.

— А можно мне... — он вдруг запнулся, подбирая слова.

— Чего? — Виктор пытливо посмотрел на него из-под бровей.

— Ну... справку о доходах. Официальную.

— Не рано ли? Ты ещё порог там не переступил.

— Я буду работать, честно, — поспешно заверил Руслан. — Но мне очень надо. Прямо сейчас.

— Кредит, что ли, брать собрался?

— Нет. Другое. И ещё... мне бы прописку, — он совсем опустил глаза. — Может ваша знакомая хозяйка прописать меня у себя? В той квартире?

— А не много ли ты просишь, парень? — Виктор сощурил глаза.

— Много, — потупился Руслан, чувствуя, как горит лицо. — Но мне правда нужно.

— Зачем?

— Дело есть.

— Что за дело?

Руслан не хотел говорить. А Виктор ждал.

— Брат у меня в детском доме. Младший. Хочу опеку оформить, забрать его. Но там документы нужны, — чуть ли не шёпотом ответил Руслан.

— Сколько ему?

— Десять.

— Маленький ещё, — на удивление мягко улыбнулся Виктор. — Как зовут-то?

— Алёша.

— Ладно. Посмотрю, чем можно помочь.

— Спасибо.

— Еды купи нормальной, — произнёс Виктор уже на пороге, провожая Руслана. — И одежду смени. Завтра с утра выходи на смену. Адрес запиши, тебя там встретят.

Руслан возвращался домой в хорошем настроении. Он до конца не понимал мотивов Виктора, но был искренне благодарен ему за протянутую руку. Вера Юрьевна тоже обещала похлопотать перед органами опеки.

Руслану казалось, что лёд тронулся. Ещё немного, совсем чуть-чуть, и Алёша будет с ним.

Утром Руслан отправился по указанному адресу. Ломбард занимал первый этаж панельной пятиэтажки, фасад которой за долгие годы выцвел и покрылся серой пылью, словно устав от городского шума. Солнце нещадно высвечивало каждую трещину на потемневших бетонных плитах и ржавые подтёки, тянущиеся от оконных рам. Вход в заведение был оформлен в виде высокого крыльца с металлическими перилами, ступени которого были выщерблены и местами облупились от времени. Над дверью висела вывеска «Ломбард Белый». Ветви старого дерева, уже покрывшиеся молодой зеленью, отбрасывали резкие, ломаные тени на глухую поверхность стены.

Руслан поднялся по лестнице и потянул на себя тяжёлую дверь.

Помещение, в котором он оказался, было разделено на две части массивной перегородкой из крашеного дерева, в верхней части которой было прорезано узкое окно с толстым, мутноватым стеклом, забранным изнутри грубой металлической решёткой. Свет от единственной тусклой лампочки под потолком с трудом пробивался через это стекло, отражаясь в столешнице, на которой лежали весы для проверки золота и потрёпанные журналы учёта. По стенам тянулись полки, заставленные бесконечными картонными коробками, подписанными от руки, где хранились принятые в залог вещи. В углу, в тени, притаился тяжёлый сейф с облупившейся серой краской, который внушал невольное чувство надёжности и тревоги одновременно. Прямо у двери, напротив перегородки, стоял старый, обитый дерматином стул, а рядом — небольшой, выдававший вида столик, на котором лежали журнал регистрации посетителей и тяжёлая связка ключей. Это место было выбрано так, чтобы охранник контролировал каждого входящего: он был первым, кого видели люди, переступая порог, и последним, кто провожал их взглядом.

Его встретил лысый мужчина средних лет, выдал форму и коротко объяснил суть работы.

— Ты наш новый охранник? — к нему подошла молодая женщина. — Я Алина. Работаю здесь оценщицей.

— Руслан, — он пожал протянутую руку.

— А ты симпатичный, — улыбнулась девушка, окидывая его оценивающим взглядом.

Парень смутился. И лишь когда она отошла к своему столу, рассмотрел её. Алина была среднего роста, русые волосы собраны в высокий хвост на затылке. Синяя юбка ниже колен плотно обтягивала бёдра, а белая рубашка выгодно подчёркивала грудь. Обернувшись, девушка весело подмигнула ему. Руслан покраснел и поспешно опустил глаза.

Первая смена прошла спокойно. Люди приходили, закладывали ювелирные украшения, технику. Алина тщательно проверяла вещи, отсчитывала деньги, а после прятала подписанные документы в тяжёлый сейф.

Утром, сдав дежурство, Руслан сразу отправился в магазин и накупил побольше еды. Теперь у него была стабильная работа, можно было не переживать, что деньги вот-вот закончатся.

Дома он поел и лёг спать, а на следующий день поехал в детский дом. Алёша уже ждал его у ворот.

Они проговорили до самого вечера. Руслан рассказал, что устроился охранять ломбард и решает вопрос с пропиской. Мальчик сиял от радости.

Ещё через день прямо на смену к нему приехал Виктор.

— Вот, держи, — он протянул Руслану пухлую папку. — Здесь всё: справка о доходах, официальная прописка и характеристика с места жительства.

— Виктор, я не знаю, как вас благодарить...

— Не стоит. Забери брата, — мягко улыбнулся тот.

На следующий день Руслан прямо с дежурства помчался в поликлинику и МВД. Необходимые медицинские справки и бумагу об отсутствии судимости он получил на удивление быстро.

Парень был счастлив и уже мысленно считал дни, когда сможет навсегда забрать Алёшку. Но настоящие проблемы начались позже. Несмотря на личное ходатайство Веры Юрьевны и отличные рекомендации от других работников детского дома, органы опеки нашли, к чему придраться — их не устроило жильё: маленькая однокомнатная квартира показалась чиновникам недостаточно большой для проживания ребёнка. Да и возникли вопросы к нему самому: молодой парень, холост, а значит — ненадёжный. Сейчас оформит опеку, а потом передумает, заведёт собственную семью, и приёмный малыш окажется в тягость. И как Руслан с Верой Юрьевной ни убеждали комиссию, представители опеки оставались непреклонными.

В итоге парню дали срок в один год — чтобы закрепиться на текущем месте работы и улучшить жилищные условия. А в довершение ко всему жёстко ограничили их общение с Алёшей, чтобы Руслан, по их словам, «не пудрил мозги ребёнку» пустыми надеждами.

Для мальчика это стало страшным ударом. Для Руслана — тоже. Директриса лишь растерянно разводила руками, со своей стороны она сделала абсолютно всё, что могла. Оставалось только ждать год.

Руслан был в бешеной ярости. Выделенная Виктором квартира казалась такой уютной, он даже успел купить туда вторую кровать. Он не заработает денег на новое жильё за год.

Два месяца Руслан работал в ломбарде. Дни тянулись медленно, почти одинаково. Каждое утро первым делом отпирали тяжёлую железную дверь. Включался тусклый свет, зажигались лампы над витринами, и уже через несколько минут у входа собирались первые посетители. Казалось, что ничего не меняется. Одни и те же стены, тот же запах старого металла и дешёвого кофе, те же лица за стойкой.

Но для Руслана каждый день был разным.

Служба в спецназе давно превратила наблюдательность в привычку. Пока перед ним лежала свежая газета с наполовину разгаданным кроссвордом, со стороны казалось, будто его вообще не интересует происходящее. Однако он замечал всё.

Женщину, которая, не поднимая глаз, медленно снимала с безымянного пальца обручальное кольцо. Старика, осторожно разворачивающего из носового платка часы — единственную память о сыне. Парня, принёсшего музыкальный центр и слишком долго объяснявшего, почему решил его продать. Мужчину с трясущимися руками, отсчитывающего последние монеты перед тем, как заложить золотую цепочку.

Каждый приходил сюда не за деньгами. Каждый приносил сюда кусок своей жизни.

Руслан видел не украшения, часы или технику. Он видел маленькие катастрофы целого города.

Иногда ему приходилось вмешиваться.

Когда оценщик называл сумму гораздо меньше той, на которую рассчитывал человек, вспыхивали скандалы. Когда молодые парни приносили вещи с ещё не сорванными магазинными бирками или слишком путались в объяснениях, откуда они их взяли, Руслан сразу пони-

мал, что товар краденый. А бывало, прямо у кассы начиналась драка — родственники, приятели или собутыльники не могли поделить только что полученные деньги.

В такие моменты он молча поднимался со своего места.

Одного короткого взгляда обычно хватало, чтобы самые шумные посетители притихли. Если нет — Руслан спокойно брал за локоть самого горячего и без лишних слов выводил его на улицу.

Руслан был на смене, когда дверь ломбарда открылась и на пороге появился Виктор.

— Ну как дела? — спросил он, по-хозяйски протягивая руку. — Забрал брата?

Руслан лишь молча покачал головой.

— Что случилось?

— Органы опеки не отдают его. Считают, что я ненадёжный, — Руслан опустил голову, не желая показывать своего бессилия.

— Уверен, ты их переубедишь. Ты парень серьёзный, — коротко бросил Виктор, похлопал его по плечу и ушёл вглубь коридора — в кабинет владельца ломбарда.

— У тебя есть брат? — спросила Алина, дождавшись, пока он скроется за дверью. — Извини, я случайно услышала ваш разговор.

— Да, есть, — неохотно ответил Руслан.

— А где он? Я просто услышала про опеку...

Руслан промолчал. Алина его откровенно раздражала. С самого первого дня она строила ему глазки, то и дело прохаживалась мимо, якобы случайно роняла папки с бумагами, а потом, нарочито медленно наклонившись, собирала их с пола. Но Руслан не обращал на неё никакого внимания. Ему было не до флирта.

Все его мысли занимал Алёша. С тех пор как им запретили видаться, Руслан каждый день звонил в детский дом. Вера Юрьевна тихим голосом рассказывала, что мальчик совсем потерял аппетит, ни с кем не общается, целыми днями не выходит из спальни и уже несколько раз подрался со старшими ребятами.

— Я не хочу об этом говорить, — отрезал Руслан и демонстративно отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Дни летели за днями. Руслан усердно работал, но надежда таяла на глазах. Его зарплата охранника составляла шесть тысяч. Аренда жилья в городе стоила столько же, но Антонина Павловна, хозяйка квартиры, как и обещал Виктор, сделала ему скидку — брала всего четыре с половиной тысячи. От денег Виктора осталась едва ли половина. А те крохи, что оставались от зарплаты после оплаты жилья, расходились на скудную еду, как песок сквозь пальцы. Нечего было и думать о том, чтобы накопить на новое жильё.

Руслан честно пытался найти вторую работу на свободные дни. Был готов пахать кем угодно, в ночь, на износ, но везде получал глухой отказ. Его никуда не брали. И эта безысходность постепенно сводила его с ума.

Восьмое августа. Руслан проснулся рано. Без будильника. Голова раскалывалась. Вставать не хотелось, идти на работу не было никакого желания. Настроение отравляло ещё и то, что сегодня день рождения Алёши. А он даже не сможет его навестить. Руслан знал: мальчик ждёт, надеется, что старший брат нарушит дурацкие правила и придёт. Но Руслан был связан по рукам — сегодня он заступал на сутки. Зато завтра сразу после смены поедет в детский дом, и, если повезёт, удастся увидеть Алёшку и передать подарок.

Едва парень переступил порог ломбарда, как услышал женский крик.

Он бросился в подсобку, откуда неслись звуки, толкнул дверь и замер на мгновение: Роман, сын хозяина, повалил Алину на старый продавленный диван и с треском рвал на ней одежду.

Руслан подскочил, рванул ублюдка на себя, отбрасывая от рыдающей, перепуганной девушки.

— Эй, обалдел? — Роман поднялся с пола и двинулся на перехват.

Но Руслан среагировал на автомате — два молниеносных удара, и Роман рухнул на пол без чувств.

— Алина, ты в порядке? — он шагнул к ней. В следующую секунду девушка мёртвой хваткой вцепилась в него.

— Руслан, Руслан... — шептала она, содрогаясь всем телом и прижимаясь к его груди.

— Он ничего с тобой не сделал?

Она судорожно замотала головой.

— Идём отсюда, — парень помог ей подняться, накиннул на порванную блузку свою ветровку. — Надо полицию вызвать.

— Нет, нет, — она умоляюще уставилась на него заплаканными глазами. — Это сын хозяина. Нельзя.

— Ты sdурела? Он тебя чуть не изнасиловал!

— Руслан, прошу, не надо, — шептала Алина, дрожа. — Он просто пьян.

В приёмной Руслан запер входные двери ломбарда и налил ей стакан воды.

— Алина, кем бы он ни был, такое нельзя спускать на тормозах.

— Ты не понимаешь, ему всё равно ничего не будет, — она подняла на него лицо. — А у меня начнутся огромные проблемы.

— Но он же работает здесь. Тебе не страшно оставаться с ним после такого наедине? — он указал на её разорванную юбку.

Она снова глухо зарыдала.

— Я вызываю, — Руслан потянулся к телефонному аппарату, снял трубку, но Алина подскочила и накрыла его ладони своими.

— Не надо, Руслан. Пожалуйста. Нас обоих со свету сживут.

— И что ты предлагаешь? — он хмуро посмотрел на девушку.

— Запри его там, пусть проспится, а потом уйдёт.

Руслан смотрел на неё и решительно отказывался понимать такую логику. Но спорить не стал. Он вернулся в подсобку. Роман неподвижно валялся на полу и только тихо, хрипло постанывал. Руслан защёлкнул замок снаружи на ключ и вернулся в зал. Алина уже взяла себя в руки.

— Мне нужно сходить домой, переодеться. Не могу же я работать в таком виде.

— Вызови такси, не пойдёшь же по городу в рванье.

— У меня нет денег. Да и живу тут совсем рядом, за углом. Проводи меня, пожалуйста. Девушка плотнее закуталась в его лёгкую ветровку, и они дворами быстро дошли до её дома.

— Ты иди, я подожду здесь, — произнёс Руслан у подъезда.

— Можешь подняться.

— Я тут побуду.

Она молча кивнула и скрылась в тёмном проёме двери.

Руслан потёр виски и глянул на часы — стрелки подбирались к десяти. Ломбард должен был открыться в девять. Если хозяин нагрянет с проверкой и увидит запертую дверь, влетит обоим.

Алина появилась ровно через двадцать минут. На ней была чистая, безупречно выглаженная белая блузка и строгая чёрная юбка. Русые волосы аккуратно переплетены в косу. На лице — ни следа недавних слёз.

— Ты прости меня, — негромко сказала она. — Что заставила ждать.

— Ты как, в норме?

— Да. Ты только никому не говори о том, что произошло в подсобке, ладно?

— Ты уверена? Скрывать такое опасно, Алина. Он почувствует безнаказанность и повторит.

— Руслан, — она осторожно взяла его за руки. — Очень тебя прошу. Не надо.

— Как скажешь, — кивнул он.

Они поспешили обратно. К счастью, владельца на месте не оказалось. А вот дверь подсобки была распахнута настежь, и внутри — никого.

— Чёрт! — выругался Руслан, осматривая пустую комнату.

Он ведь точно помнил, как запер дверь снаружи на ключ. И только сейчас парень сообразил: на внутренней стороне замка стояла обычная поворотная вертушка, которая позволяла легко открыть дверь изнутри без всяких ключей.

— Оставь, — легко улыбнулась Алина, заметив его хмурый взгляд. — Наверное, очухался и ушёл домой. Проспится — сам всё забудет.

Весь день Руслан провёл как на иголках. Ему категорически не нравилась вся эта история. Алина же вела себя как ни в чём не бывало — дежурно улыбалась клиентам, оценивала золото, заполняла договоры и методично прятала их в сейф.

Ближе к вечеру, когда до закрытия оставалось полчаса, в ломбард вошли двое мужчин. Один — в гражданской одежде с папкой в руках, второй — в милицейской форме. Оглядевшись по сторонам, они подошли к Алине, что-то спросили. Девушка указала на Руслана. Парень поднялся со своего места и сделал несколько шагов им навстречу.

— Руслан Истратов? — спросил тот, что был в форме.

— Да.

— Старший оперуполномоченный Кусаинов. Вам придётся проехать с нами.

— Что? Почему?

— Ты задержан по подозрению в нанесении тяжкого вреда здоровью. Постановление у нас на руках, — Кусаинов вытащил из папки лист бумаги, показал Руслану, но в руки не дал.

— Что? Это какая-то ошибка...

— Объясняться будешь в отделе.

— Я не виноват. Это недоразумение...

— Ты избил человека до полусмерти. Роман Измайлов сейчас в больнице со множественными переломами.

Руслан опешил.

— Это была самооборона! Он напал на сотрудницу, пытался изнасиловать её. Я всего пару раз ударил его.

— Значит, факт избиения Романа Измайлова признаёшь?

— Да он на Алину напал! Скажи им! — Руслан резко повернулся к девушке.

— Понятия не имею, о чём он говорит, — быстро ответила Алина, опустив глаза. — Меня здесь не было.

— Что?! — Руслан уставился на неё, отказываясь верить собственным ушам. — Зачем ты врешь?

«Прости», — одними губами, едва заметно прошептала она.

Парень застыл. И очнулся лишь тогда, когда на его запястьях с холодным лязгом защёлкнулись наручники.

— Алина! Какого хрена?! — закричал Руслан, когда его грубо повели к выходу.

Но девушка демонстративно отвернулась к столу и принялась перебирать бумаги.

Из милицейского «уазика» Руслана выволокли и молча повели внутрь здания. Ни слов, ни объяснений.

Они вошли в коридор: низкий потолок, на стенах облупленная зелёная краска, удушливый запах пыли, сырости и застарелого пота. Конвоир подвёл его к тяжёлой металличе-

ской двери. Наручники наконец расстегнули, освобождая затёкшие руки. Дверь со скрежетом открылась, и парня сильно толкнули в узкую камеру с холодным бетонным полом.

— Ночь проведёшь здесь. А завтра допрос.

Засов захлопнулся. Руслан остался один.

Что за чертовщина происходит? Он лихорадочно пытался восстановить в памяти каждую секунду утренней потасовки в подсобке. Да, он оттащил Романа от Алины. Два раза ударил. Не больше — оба раза по лицу. Он пришёл проверить его, парень был в порядке. И он ушёл на своих ногах. Как он мог оказаться в больнице? Какой тяжкий вред здоровью?

Руслан мерил шагами тесную камеру от угла к углу. Мысли бешено неслись в голове, сменяя друг друга. Алина... Она в глаза заявила, что ничего не знает. Как она могла так подставить его? За что?

Руслан не сомкнул глаз всю ночь. Утром за ним пришли конвоиры и проводили в мрачную комнату для допросов. За обшарпанным столом уже ждал следователь Оразов.

— Присаживайся, — он коротко указал на колченогую деревянную табуретку.

Руслан сел, чувствуя, как гудит голова.

— Итак, Руслан Истратов, 1978 года рождения, воспитанник детского дома, недавно вернулся из армии. Всё верно?

Парень молча кивнул.

— Спецназ? — Оразов неторопливо перебирал бумаги в папке. — Значит, бить умеешь профессионально.

— Я его не калечил.

— А вчера на задержании ты говорил другое, — следователь тяжело поднял на него глаза.

— То есть... да, я ударил его. Но Роман напал на Алину.

— На ту девушку из ломбарда? Она всё отрицает.

Руслан замолчал, сжав челюсти.

— Слушай, парень. Не знаю, что вы там не поделили с Измайловым — может, ту же Алину. Но он сейчас в больнице со множественными переломами рук и ног.

— Что?! — Руслан ошарашенно уставился на следователя.

— А ещё у него сломан нос, два ребра и сотрясение мозга. Сам понимаешь, всё очень серьёзно.

— Я к этому не причастен, — сквозь зубы процедил парень.

— Есть его официальное заявление. Этого вполне достаточно, чтобы упечь тебя далеко и надолго. Статья суровая — от трёх до восьми лет тюрьмы.

Руслан заметно побледнел.

— Давай так: ты пишешь чистосердечное признание, подробно рассказываешь, что и как, а суд это засчитает. Дадут минимальный срок, — Оразов пододвинул к нему чистый листок и шариковую ручку.

— Нет, — твёрдо отрезал Руслан.

— Не упрямься. Делаешь хуже только себе.

— Я ничего не буду подписывать.

Оразов лишь ухмыльнулся, позвал конвоира, и арестованного снова увлекли в камеру.

Сердце бешено колотилось в груди. В голове не укладывалось — это какой-то бред, кошмарный сон. Ему нельзя в тюрьму. Он не может бросить Алёшу. Мальчик не простит его. Да Руслан и сам себя никогда не простит.

Через пару часов засов снова заскрипел. Конвоир велел выходить и отвёл его в комнату свиданий. Руслан искренне удивился: кто вообще мог прийти к нему в изолятор?

Переступив порог, он увидел Виктора.

— Вы? — вырвалось у парня.

— Ох, Руслан, Руслан... — сокрушённо покачал головой гость.

— Почему вы здесь? Как вы узнали?

— Алина рассказала. Заехал сегодня утром в ломбард, а она бросилась ко мне в слезах и всё рассказала.

При упоминании девушки Руслан болезненно скривился.

— Не вини девчонку. Она одна, живёт с больной бабушкой. Перепугалась до смерти, что потеряет работу и останется без гроша, вот и соврала с перепугу.

— И что теперь со мной будет?

— Она уже здесь, мы приехали вместе. Прямо сейчас даёт честные показания следователю.

— Она... всё расскажет? — у Руслана будто огромный тяжёлый камень свалился с плеч.

— Да, — кивнул Виктор. — Ты молодец, что заступился за девушку.

— И что дальше?

— Я поговорю с хозяином ломбарда, Роман ведь его сын. Думаю, получится решить это дело миром. Заберут заявление.

— Зачем вы мне помогаете? — Руслан посмотрел Виктору в глаза.

— Потому что ты хороший парень. И совсем один в этом мире. Не переживай, всё будет нормально, — Виктор ободряюще похлопал его по плечу и вышел из комнаты свиданий.

В душном коридоре ИВС его уже ждала Алина.

— Зачем вы так с ним? — спросила она едва слышным, дрожащим шёпотом. — Он же ни в чём не виноват.

— Не твоё дело, — голос Виктора прозвучал глухо и жёстко. — Вот, держи, — он протянул ей увесистую синюю папку. — Купи лекарства бабушке. И чтобы к Руслану больше близко не подходила, поняла меня?

Девушка испуганно, часто закивала.

Виктор быстрым шагом направился к выходу, а она так и осталась стоять посреди серого коридора, прижимая папку к груди.

На следующий день следователь снова вызвал Руслана на допрос.

— Повезло тебе, парень, — Оразов хмыкнул, листая обновлённое дело. — Девчонка твоя одумалась, пришла и дала-таки показания.

— Вы отпустите меня? — в глазах Руслана вспыхнула надежда.

— С чего бы вдруг? — усмехнулся следователь. — Заявление никто не забирал. Но пере-
квалификация статьи — это уже жирный плюс в твоём случае. Если Измайлов пойдёт на принцип, пойдёшь по статье за превышение пределов необходимой обороны.

— Я их не превышал, — твёрдо процедил Руслан.

— Превысил, и ещё как. Парень в больнице под капельницами.

Руслан промолчал. Спорить было бесполезно. Его снова конвоировали в камеру.

А ещё через день в изолятор приехал Виктор. Не один — привёз адвоката, невысокого, полноватого мужичка в помятом сером костюме и очках с толстыми линзами. Новости были паршивыми: Роман наотрез отказался забирать заявление. Дело шло к суду, и адвокат порекомендовал признать вину.

— Но это не я избил его до такой степени! — возмутился Руслан, едва не вскочив со стула. — Я ударил дважды!

— А свидетели у тебя есть, Руслан? Ты знаешь, кто его избил? — тихо, с нажимом спросил Виктор.

— Нет, — парень бессильно опустил голову.

— Я сделал всё, что в моих силах, — вздохнул Виктор. — Признай вину. Суд пойдёт навстречу: привод первый, положительные характеристики, заступался за честь девушки — она подтвердила. Максимум, что тебе грозит в таком раскладе, — условный срок или исправительные работы.

— А как же Алёша? — Руслан со страхом посмотрел на мужчин. — Если у меня будет судимость, мне никогда не отдадут брата.

— Погасишь судимость и заберёшь, — подал голос адвокат, поправляя очки на переносице. — Как только срок наказания выйдет, судимость аннулируется, в справке её видно не будет.

Руслан сжал кулаки под столом так, что побелели костяшки.

— Подпиши признание, и сможешь выйти на свободу прямо сегодня, — сказал Виктор. — За содействие следствию тебя отпустят под подписку о невыезде. А будешь упираться — останешься в камере до самого суда, да ещё и приговор могут ужесточить.

— Правда? — встрепенулся Руслан. — Меня выпустят? Прямо сейчас?

— Да, я лично переговорил со следователем. Вопрос улажен.

Руслан переводил затравленный, мечущийся взгляд с лица Виктора на блестящие стёкла очков адвоката.

— Хорошо, — глухо вытолкнул он.

Адвокат тут же подтолкнул к нему два заполненных листа. Руслан взял ручку и с тяжёлым, ворочающимся сердцем поставил свои подписи.

Спустя два часа его действительно выставили за ворота отдела. Судебное заседание назначили через две недели.

Руслан шёл домой по тёмным, засыпающим улицам города. Холодный ночной воздух не приносил облегчения. Что же он наделал? Собственноручно подписал себе приговор.

В квартиру он вошёл около полуночи. Не раздеваясь, прямо в одежде рухнул на диван и мгновенно провалился в тяжёлый, тревожный сон.

Утром его разбудил резкий звонок будильника. Руслан открыл глаза, огляделся. Он дома. Неужели всё это просто приснилось? Парень поднялся, на неслушающихся ногах прошёл в ванную, умылся и хмуро глянул на себя в зеркало. Тёмная жёсткая щетина густо покрыла щеки и подбородок.

Нет, ему ничего не приснилось. Последние дни он действительно провёл в вонючей камере изолятора.

— Твою ж!.. — Руслан со всей силы ударил кулаком по стеклу.

По зеркальной глади мгновенно побежали глубокие трещины, и на белую эмаль раковины упало несколько тяжёлых капель крови. Парень тяжело облокотился на края раковины, разглядывая своё искажённое, разбитое на осколки отражение.

Резкий звонок в дверь отвлёк его от мрачных мыслей. Заматав окровавленную руку полотенцем, Руслан вышел в коридор и повернул замок. На пороге стоял Виктор.

— Вы?

— Что с рукой? — гость сразу кивнул на проступающее бурое пятно на махровой ткани.

— Порезался, — буркнул Руслан.

— Могу войти? Есть разговор.

Хозяин молча отступил вглубь квартиры, пропуская его.

Виктор прошёл на тесную кухню и выставил на стол два туго набитых пакета.

— Принёс тебе нормальной еды. Знал, что есть у тебя нечего.

— Спасибо, — тихо прошептал смущённый Руслан. Только сейчас, когда первый шок прошёл, руку обожгло настоящей болью.

— Иди обработай рану, — кивнул Виктор. — А я пока чайник поставлю.

Руслан вернулся в ванную. Взгляд снова наткнулся на паутину трещин. Придётся покупать новое зеркало и как-то извиняться перед Антониной Павловной.

Он аккуратно развернул полотенце и поморщился: между костяшками пальцев застрял острый осколок. Руслан осторожно вытащил его, открыл кран и смыл струёй холодной воды

набежавшую кровь. Аптечки у него не было, поэтому пришлось просто прижать к порезу сухое чистое полотенце.

— Как ты умудрился так порезаться-то? — спросил Виктор, когда парень вернулся на кухню.

— Не знаю. Случайно вышло.

На столе уже аппетитно дымились тарелки с жареной курицей и пара контейнеров с готовыми салатами.

— Поешь, — кивнул Виктор.

Ему было не по себе. Виктор уже третий раз кормит его.

— Руслан, — серьёзно начал Виктор, когда парень присел к столу. — Ты прости, но возвращаться в ломбард тебе нельзя. После того, что произошло с сыном хозяина, это исключено.

— Но он же на Алину напал! — вскинулся Руслан.

— Он его сын, — жёстко перебил Виктор. — А отец всегда будет защищать своего ребёнка, каким бы подонком тот ни вырос. Закон жизни.

Руслан бессильно опустил глаза. Возразить было нечего.

— Мне жаль.

— И что мне теперь делать?

— Сейчас — ничего. Ты под следствием, хоть и на свободе. Главное, духом не падай, всё образуется.

Вскоре Виктор ушёл, оставив после себя полный холодильник и тяжёлую тишину. Руслан прибрал со стола, переоделся. Рука к тому времени почти перестала кровить. Он дошёл до ближайшей аптеки, купил бинты и йод. Кое-как перевязав руку, парень снова отправился на улицу.

Нужно было срочно искать новую работу. Адвокат строго предупредил, что раз в неделю придётся ходить отмечаться в отделение, да и участковый будет периодически навещаться с проверками. Но без денег сидеть нельзя. Виктор помог ему выбраться из ИВС, но просить его о чём-то ещё раз Руслан просто не имел права. Этот человек и так сделал для него слишком много.

Удача улыбнулась Руслану ближе к обеду. На городской набережной вовсю кипела стройка, и его без лишних вопросов взяли разнорабочим. Задача простая, но изматывающая: укладка тротуарной плитки, монтаж чугунных ограждений и благоустройство территории. Руслан физического труда никогда не боялся — сейчас ему нужно было хоть на что-то покупать продукты и платить за жильё.

Две недели пролетели как один бесконечный, серый день. С утра до позднего вечера он таскал неподъёмные тачки с цементом, ворочал тяжёлые поддоны и на коленях выкладывал бесконечные квадратные метры мостовой. Парень исправно, минута в минуту, ходил отмечаться в отделение и вежливо общался с участковым. Но платили на стройке гроши, которых едва хватало на самое необходимое.

В перерывах Руслан упрямо звонил в приют. Поговорить с Алёшей напрямую ему так и не позволили — администрация заняла жёсткую позицию, зато Вера Юрьевна тайком передавала приветы от брата. Руслан не хотел рассказывать о том, что он под следствием, но в детском доме всё равно обо всём узнали: следователь приходил туда.

Вера Юрьевна плакала в трубку, причитала и искренне жалела своего бывшего воспитанника. Руслан в ответ лишь глухо молчал. Да и что он мог сказать? Он смертельно устал оправдываться перед всем миром и доказывать то, чего не совершал. Парень просто ждал назначенного дня. Он ведь не сделал ничего плохого, защищал человека. Суд должен был во всём разобраться и полностью его оправдать. Других вариантов Руслан даже не допускал.

И вот настал день заседания. С раннего утра тяжёлые свинцовые тучи заволокли небо, над городом зарядил унылый мелкий дождь. Руслан приехал к серому зданию суда за час до начала, и конвоир сразу проводил его в тесную отдельную комнату для подсудимых.

Вскоре появился и адвокат. Тот самый, полненький, в своём неизменном сером костюме.

— Руслан, ты ведь помнишь, о чём мы договаривались? — защитник деловито щёлкнул замками портфеля и раскрыл синюю папку. — На процессе води себя максимально спокойно, отвечай уверенно.

— Меня оправдают? — Руслан пытливо заглянул ему в глаза через толстые стёкла очков. — Мне нельзя в тюрьму.

— Прогнозы в нашей системе — вещь неблагодарная, — уклончиво ушёл от прямого ответа адвокат, даже не подняв головы от бумаг. — Но не паникуй заранее. На твоей стороне железный козырь — официальные показания Алины.

Вскоре началось судебное заседание. Руслан сидел на жёсткой деревянной скамье для подсудимых. Отсюда весь зал просматривался как на ладони: массивный стол судьи на небольшом возвышении, государственный герб над ним, длинные скамьи для немногочисленных слушателей и тяжёлая дверь, через которую конвой выводил обвиняемых. В зале он впервые после той драки увидел Романа. Тот сидел на скамье потерпевших, картинно выставив закованные в белоснежный гипс руку и ногу. Руслан лишь тяжело покачал головой, заставив себя сохранять внешнее спокойствие.

Прокурор монотонно зачитал обвинение: превышение пределов необходимой обороны, повлёкшее причинение тяжкого вреда здоровью.

Первым допрашивали Руслана. Он без утайки рассказал, как всё произошло.

Следом выступил Роман Измайлов. Его версия оказалась настолько мерзкой, что Руслан невольно стиснул зубы. По словам Измайлова, Алина сама соблазняла его откровенными нарядами. В тот день он всего лишь решил перейти к более решительным ухаживаниям, но девушка неожиданно отказала. Началась ссора, а ворвавшийся Руслан, давно ревновавший Алину, якобы воспользовался случаем, чтобы жестоко избить соперника.

Затем вызвали Алину.

— Скажите суду, что произошло восьмого августа, — мягко попросил адвокат.

Девушка бросила быстрый взгляд на Руслана и тут же опустила глаза.

— Я пришла на работу раньше обычного, — тихо начала она. — Роман был пьян. Он сказал, что нужно показать сгоревший чайник, завёл меня в подсобку. Потом... начал ко мне приставать.

Она судорожно перевела дыхание.

— Я сопротивлялась. Он швырнул меня на диван, стал рвать одежду... Я закричала. И тогда ворвался Руслан.

— Вы видели, сколько ударов подсудимый нанёс потерпевшему?

— Нет. Я закрыла лицо руками.

— Вы состоите с Истратовым в романтических отношениях?

— Нет.

— Кто-нибудь может подтвердить попытку изнасилования?

— Только Руслан. Мне было слишком стыдно обращаться в милицию.

Адвокат поднялся.

— Ваша честь, защита приобщила к материалам дела разорванную одежду Алины Васильевой. Экспертиза обнаружила на ткани микрочастицы эпидермиса и пота Измайлова, а медицинское освидетельствование зафиксировало многочисленные ссадины и кровоподтёки. Эти доказательства подтверждают попытку изнасилования. Мой подзащитный защищал девушку.

Когда Алину отпустили, в зал пригласили Веру Юрьевну. Руслан опешил.

Директриса детского дома спокойно отвечала на вопросы о его детстве, характере и поведении. Ни слова о бесконечных драках. Ни слова о том, сколько раз ему приходилось силой отстаивать своё право на спокойную жизнь.

— Руслан всегда был добрым, отзывчивым и мирным мальчиком, — твёрдо произнесла она.

В его груди болезненно сжалось. Он не просил её приукрашивать прошлое, но эта мудрая женщина понимала: сейчас правда могла стоять ему свободы. До конца её допроса Руслан так и не решился поднять глаза.

Дальнейшие прения сторон он почти не слышал. Всё происходящее казалось дурным сном. Он защитил человека. И оказался на скамье подсудимых.

Судья удалился в совещательную комнату и вернулся на удивление быстро. В зале воцарилась звенящая тишина. Глухой голос зачитал вердикт: виновен. Но с учётом смягчающих обстоятельств и содействия следствию — один год лишения свободы условно.

У Руслана потемнело в глазах. Стены зала качнулись. Нет. Только не обвинительный приговор.

— Отличный результат, поздравляю, — негромко шепнул адвокат, довольно похлопав его по плечу.

— Что... что это значит? — парень обернулся к нему, ничего не понимая.

— Для тебя — свободу. Иди домой, отдыхай. В течение недели документы уйдут в уголовно-исполнительную инспекцию, тебя вызовут на беседу. Ерунда. Главное — раз в месяц являться на отметку и не менять место жительства без уведомления. Но учти: совершишь хоть малейшее правонарушение — срок моментально станет реальным.

— Руслан, мальчик мой... — к нему, спотыкаясь, подбежала заплаканная Вера Юрьевна и схватила за холодные руки. — Как же так, родной? Ты же девочку спасал...

— Алёша знает? — голос Руслана сорвался на сиплый шёпот.

— Нет, что ты, бог с тобой. Я ничего ему не говорила.

— И не говорите. Не хочу, чтобы он знал.

— Милый мой, — пожилая женщина дрожащими пальцами коснулась его щеки. — Как же ты теперь?

— Всё нормально. Срок условный, всего год. Я справлюсь, устроюсь и заберу Алёшу. Спасибо вам.

Руслан покинул душное здание суда. Идти домой не хотелось, но и бродить под промозглым дождём сил не было — казалось, каждый встречный прохожий смотрит на него.

Он пришёл домой, запер дверь и обессиленно прислонился к ней спиной. Весь его мир рухнул в одну секунду.

Одно-единственное слово «виновен» выбило землю из-под ног. Судимость. Клеймо на всю жизнь. Год условного срока означал автоматический крест на опеке — теперь закон официальным калёным железом запрещал ему забирать брата из детского дома. Никакая комиссия не отдаст ребёнка осуждённому.

Да и нормальной работы ему больше не видать. Виктор дал ему шанс, жильё, деньги, а он так глупо подвёл его. Официально устроиться с такой статьёй невозможно, легальной справки о доходах для органов опеки никто не даст. И через год, и через два эта чёрная метка в личном деле будет закрывать перед ним любые двери.

Руслан изо всех сил сжал кулаки, чувствуя, как по щекам катятся жгучие, бессильные слёзы. За что? Ну почему всё обернулось именно так? Ведь он поступил по совести. Не желал никому зла. Просто защитил слабую девчонку...

Он резко поднялся, прошёл в комнату, сел на диван, но тут же снова вскочил. Зашёл на кухню, налил в кружку холодный чай, но так и не сделал ни глотка — оставил её на столе.

Снова вернулся в спальню. Как загнанный в клетку зверь, Руслан метался по квартире, не в силах найти себе места.

Мысли лихорадочно крутились в голове, но выхода не было. Судимость на корню пережёвывала все его планы, всю его жизнь. И жизнь Алёши.

Мальчик ещё ни о чём не догадывался, но вечно скрывать правду не получится. Брат ждал, пока Руслан разберётся с жильём и документами, а вместо этого — приговор.

Ближе к вечеру у него резко подскочила температура. Тело начало бить крупной дрожью, бросая то в ледяной пот, то в удушающий жар. Кое-как поднявшись с дивана, Руслан наощупь доковылял до кухни, щёлкнул выключателем и полез в шкаф. Но в аптечке не нашлось ничего, кроме мотка бинта и флакона с йодом. Озноб становился невыносимым. Парень вернулся в комнату, рухнул на матрас и с головой закутался в одеяло.

Он не спал, а находился в каком-то липком, полубредовом забытии. Руслан отчётливо видел и жёлтый фонарь за окном, и блёклый рисунок обоев на стенах, и контуры мебели, но одновременно с этим перед глазами вставал Алёша с багровым синяком под глазом и приютские пацаны, с хохотом вырывающие у ребёнка пакет с едой.

«Я предлагаю тебе работу», — вкрадчивый, глубокий голос Виктора прозвучал в ушах так отчётливо, будто тот стоял над кроватью.

Все остальные образы разом растаяли. Остался только Виктор. Его холодные серые глаза искрились, словно мартовский снег на солнце.

Руслан подскочил на диване как ужаленный. Бред испарился, оставив лишь липкий страх.

Неужели это действительно его единственный путь? Кровь на руках? Отнятые чужие жизни? И ради чего?

Ради Алёши. Чтобы ему не пришлось до самого совершеннолетия гнить в детском доме, как когда-то ему самому. Чтобы у брата был свой угол, приличная одежда, хорошее образование. Чтобы ему не приходилось драться за кусок хлеба со старшими. Чтобы у него было будущее. Да и у самого Руслана тоже. Он ведь тоже когда-то мечтал об университете, о нормальной семье, о собственных детях...

А что теперь может предложить бывший детдомовец с уголовным клеймом?

До самого рассвета Руслан не сомкнул глаз. Жажда выжигала изнутри, но он не обращал на неё внимания. Он вообще больше ни о чём не думал, кроме сложного, страшного выбора, который уже сделал. Сейчас он просто упрямо убеждал себя, что другой дороги система ему не оставила. Он честно пытался жить по правилам. Не вышло. Опекун и раньше придиралась к метрам, а теперь с этой справкой из суда его даже на порог не пустят.

Но примет ли его Виктор? Руслан ведь отказал ему тогда в самой резкой, категоричной форме. Даст ли он второй шанс?

Едва дождавшись утра, Руслан набрал знакомый номер и хрипло попросил о встрече. Виктор позвал его к себе.

— Руслан, ты в порядке? — произнёс он, когда увидел парня на пороге. Он был бледен, огромные круги под глазами, пересохшие губы.

— Да, всё хорошо, — ответил Руслан.

— Не хорошо. Проходи.

Виктор настойчиво провёл его в просторную гостиную и усадил на мягкий диван.

— Мне очень нужно с вами поговорить, — Руслан поднял на него воспалённый взгляд. — Я...

— Я сейчас принесу чай, — мягко перебил Виктор и скрылся за кухонной дверью.

Он прекрасно знал, зачем парень пришёл. И о чём пойдёт этот разговор. Наливая в чашку крутой кипяток, Виктор едва заметно, удовлетворённо улыбнулся. Вся эта юношеская гордость, глупое упрямство и наивное желание жить честно — всё с треском разбилось о суровую реальность. Да, он сам немного приложил к этому руку. Но лишь самую малость.

Руслан нравился Виктору. Упрямый, самонадеянный... Виктор когда-то и сам был таким. И сам понял на горьком опыте, что жизнь несправедлива. Она ломает людей, неважно каких — хороших, плохих, добрых, злых... и, чтобы выжить, приходится делать выбор.

И Руслан в этом убедился. Виктор всего лишь хотел дать ему шанс в жизни. И он знал, что Руслан правильно им воспользуется. У парня большое будущее, если он сумеет правильно расставить приоритеты. А Руслан сумеет. В этом Виктор не сомневался. Он видел, как Руслан боролся за Алёшу. А ведь мальчик ему никто. Такой же сирота.

Виктор вернулся в гостиную с подносом. Руслан сидел в той же позе, откинув голову на спинку дивана, его глаза были плотно закрыты.

— Выпей чаю, — проговорил Виктор и поставил поднос на журнальный столик.

Парень не шелохнулся.

— Руслан, — позвал Виктор.

Ответа не было.

Тогда он подошёл ближе и коснулся его руки — ладонь была обжигающе горячей. Виктор приложил тыльную сторону ладони к его лбу и нахмурился: парня бил сильнейший жар.

Не мешкая, Виктор аккуратно уложил его на диван, сходил в спальню за подушкой и тёплым пледом, а затем набрал номер врача.

— Ох, Руслан, Руслан... — негромко проговорил Виктор поздно вечером, сидя в кресле у дивана и глядя на спящего под капельницей парня. — Ты прости, по-другому я не мог. Ты бы сломался слишком быстро. И окончательно. Ты бы уже не встал на ноги. Я всего лишь даю тебе шанс.

Руслан проснулся утром. Солнце ярко светило в окно, наполняя гостиную тёплым светом. Он подскочил на диване, не сразу узнав чужую обстановку.

— Проснулся? — в комнату вошёл Виктор. — Тебе лучше?

— Что со мной было?

— Зачем шляешься по городу с температурой? Если болен, надо было сидеть дома, — проворчал Виктор.

— Простите, я... — Руслан в смущении опустил голову.

— Ничего. Вчера приходил врач, температуру сбил, выписал лекарства. Кое-что я купил. Но не всё.

Щёки Руслана вспыхнули от стыда. Он опять заставил Виктора тратить деньги.

— Простите.

— Хватит извиняться, пошли чай пить. Я заварил малину.

— Мне бы... умыться...

— Прямо по коридору и налево.

Руслану было не по себе. Он чувствовал себя так неловко, как, наверное, никогда прежде. Виктор ничего ему не должен, а он снова и снова причиняет беспокойство.

— Садись, — он подвинул ему чашку с чаем и вазочку с малиновым вареньем.

— Вы простите меня...

— Я сказал, хватит извиняться.

Руслан молча пил чай, пытаясь подобрать слова, чтобы объяснить причину своего визита. Но нужные фразы, которые еще вчера казались очевидными, сейчас застревали в горле.

Виктор молчал. Он понимал, как тяжело парню произнести вслух то, о чем они оба прекрасно знали.

— Я хотел... — неуверенно начал Руслан. — В день нашей первой встречи вы говорили... про работу...

— Я помню, что говорил, — перебил его Виктор.

— Ваше предложение... ещё в силе? — спросил Руслан, не поднимая глаз. Голос его прозвучал едва слышно.

— В силе, — ответил Виктор.

— Тогда я согласен.

— Уверен?

— Уверен.

Виктор кивнул.

— Что нужно делать? Вы скажете, кого...

— Сейчас никого. Ты болен. Тебе нужно время, чтобы восстановить силы. Купи лекарства, отдохни, полежи.

— Я... не могу... У меня не осталось денег...

Виктор встал, подошёл к трюмо, достал толстый конверт и положил перед Русланом.

— Тут пятьдесят тысяч. Тебе хватит на первое время.

— Я не могу...

— Это не бескорыстная помощь. Это аванс. Так что бери.

Руслан дрожащими пальцами коснулся конверта, но отдернул руку, словно обжегся.

— Ну? Что еще? — спросил Виктор.

— Скажите, у меня будет шанс забрать брата? Хотя когда-нибудь?

— Будет, — кивнул Виктор. — Я помогу.

Руслан вернулся домой. Конверт неприятной тяжестью оттягивал карман. Только сейчас парень окончательно понял, на что согласился. Он будет убивать людей. Виктор успокоил его — обычных граждан он не тронет, только мерзавцев и подонков, преступников разных мастей, до которых милиция и прокуратура просто не могут добраться.

— Считай, что оказываешь услугу обществу, — говорил Виктор, провожая его до ворот. — Будешь устранять всяких отморозков. Преступлений за ними хватает.

— Но ведь и у меня они будут, — Руслан повернулся к хозяину дома. — Значит, и меня убьют?

— Зависит от тебя. Если станешь делать всё правильно, то нет. Это игра. Опасная игра. Но ты справишься. Главное — выучи правила.

— Какие?

— Сначала отдохни, вылечись. И, бога ради, питайся нормально. Чтобы я больше этих пустых яиц у тебя в холодильнике не видел, — Виктор похлопал его по плечу.

По дороге Руслан зашел в аптеку и купил все лекарства, что выписал врач. Температура снова поползла вверх. Он принял таблетки и сразу лег на диван, укутавшись одеялом. Его сильно знобило. Стоило забыться тяжелым сном, как кошмары опять завладели сознанием. Ему снились собственные руки — по локоть в крови, а под ногами лежали изуродованные тела мужчин, женщин, детей. И посреди этого хаоса стоял Алёша. Мальчик тянул к нему ладошки и умолял забрать его отсюда.

Несколько дней Руслан провел в четырех стенах. Он почти не поднимался с постели. А если и вставал, то лишь для того, чтобы дойти до кухни и принять очередную порцию таблеток.

Виктор позвонил пару раз, чтобы узнать о его самочувствии. Руслан порывался сам приехать к нему, хотел побыстрее начать, но тот категорически отрезал: пока парень полностью не поправится, видеть его он не желает. Вера Юрьевна тоже звонила несколько раз, но Руслан просто не знал, что ей отвечать. Она лишь привычно передавала ему приветы от Алёши.

Прошла неделя. Руслан полностью поправился. Его удивляло, что никто до сих пор не звонил из милиции. Адвокат ведь предупреждал, что дело сразу направят в уголовно-исполнительную инспекцию, после чего его вызовут на беседу и назначат встречу. Но телефон молчал. Участковый тоже больше не появлялся, и это затишье сильнее всего смущало Руслана.

Почувствовав себя окончательно здоровым, он сам набрал номер Виктора. Чем раньше начнется работа, тем быстрее это мучительное ожидание неминуемого перестанет терзать его душу.

Только теперь Руслан окончательно понял, на что согласился. В ту ночь, с температурой под сорок, сознание плыло, мысли путались. Тогда ему казалось, что другого выхода нет. Теперь жар отступил, голова стала ясной, и вместе с ней пришло понимание: он мог отказаться. Виктор еще не дал ему первое задание. Ничто не мешало развернуться, забыть этот разговор, попытаться жить дальше.

Только жить уже было незачем.

Суд оставил ему свободу, но отнял единственное, ради чего он цеплялся за эту свободу. Пока на нем числится судимость, Алёшу ему не отдаст ни один орган опеки. Обещание, данное брату, превратится в пустые слова.

Еще недавно он не смог смириться с тем, что суд назвал его преступником за попытку спасти девушку. Теперь же он добровольно соглашался на худшее — забирать чужие жизни по чужому приказу, превращаясь в монстра.

И самое страшное заключалось не в этом. Самое страшное — он сам сделал этот выбор.

Рано утром в субботу Руслан вышел из квартиры и отправился на улицу Достоевского. Он шел, глядя себе под ноги и не замечая ни луж на дороге после ночной грозы, ни опавших листьев.

— Вижу, тебе уже лучше, — сказал Виктор, приветствуя его на пороге.

— Да, всё хорошо. Спасибо вам огромное за доктора.

— Не стоит благодарности. Вот, держи, — хозяин протянул ему папку, перевязанную белой ленточкой.

— Что это? — пальцы Руслана дрогнули, когда он коснулся картона. Неужели первое задание? Его первая жертва?

— Необходимые документы, чтобы ты мог забрать брата.

— Что? — Руслан опешил, уставившись на мужчину.

— Можешь хоть завтра ехать в органы опеки, никаких препятствий у тебя больше не будет.

— Но как же приговор?

— Нет никакого приговора, — спокойно произнес Виктор.

Руслан не спускал с него потрясённого взгляда.

— Потеряли. Такое случается. Нечасто, но бывает, — усмехнулся Виктор и пожал плечами.

— Но...

— Никаких копий не осталось. Ни в прокуратуре, ни в архиве суда, ни в инспекции. Просто потеряли. Забудь.

— Но судимость...

— Висит в воздухе. Официально ты чист перед законом.

У Руслана перехватило дыхание. Неужели в мире Виктора всё решалось так просто?

— Все нужные справки я тебе подготовил. Езжай за братом.

— А работа?

— Сначала разберись с тем, что для тебя действительно важно. Отправь брата в школу, скоро ведь первое сентября. Купи ему всё необходимое, — Виктор снова протянул ему пухлый конверт. — Это аванс.

— Так много?

— Скоро ты будешь зарабатывать гораздо больше.

— Когда я смогу начать? Ну, работать, — голос Руслана дрогнул.

— Сначала заведи брата, реши насущные вопросы. Мне не нужен наёмник, который вместо того, чтобы заниматься делом, будет думать о своих проблемах. Как всё устроишь, позвони. У меня в подвале есть спортзал и тир. Будешь приходить каждое утро. Ты служил в спецназе,

подготовка у тебя хорошая. Но ты давно не тренировался. Я буду лично заниматься с тобой. А потом, когда решу, что ты готов, дам задание.

Руслан кивнул. И помчался напрямик в органы опеки. Как и обещал Виктор, никаких заминок не возникло: его пакет документов рассмотрели в срочном порядке. И уже на следующий день Руслан крепко обнимал мальчика в коридоре детского дома.

— Ты правда приехал за мной? — Алёша смотрел на старшего брата огромными глазами цвета чистого неба. — Правда-правда меня заберёшь?

— Да, малыш. Мы едем домой, — улыбнулся Руслан, крепко сжимая маленькую ладошку.

— Руслан, но как же... — Вера Юрьевна растерянно посмотрела на него.

Он едва заметно качнул головой, давая понять директрисе, что при ребёнке эту тему поднимать не стоит.

— Собирай вещи, малыш, — сказал Руслан, и счастливый Алёша тут же умчался в спальный корпус.

— Руслан, но ведь ты... — Вера Юрьевна посмотрела на него. — Как же ты...

— Я взял справку до того, как приговор вступил в силу, — соврал Руслан. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Для него важнее всего на свете было поскорее забрать Алёшу. И покинуть это место навсегда. Несмотря на то что он вырос тут, что Алёша жил тут пять лет, это место не стало для них домом. И они оба ненавидели его всей душой.

Через час они уже переступили порог квартиры.

— Ты живёшь здесь? — мальчик с любопытством ходил по квартире, заглядывая в каждый угол.

— Мы. Мы теперь живём здесь вместе, — улыбнулся Руслан. — Располагайся, теперь это твой дом.

Алёша просиял. И у Руслана впервые за долгое время потеплело на сердце, когда он увидел эти счастливые детские глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.